

Нина КРОМИНА

ПРИМАК

Анатолий сжал руки в замок, упёрся ими в колени. Ссутулившись, он сидел на ступеньке девятого этажа кооперативного дома. Прошлогодний, но всё ещё чистый окрас карминно-розовых стен, полуоткрытое окно, едкий запах табачного дыма с восьмого. Анатолий не курил, а потому запах раздражал. После вирусной пневмонии, которой болел в прошлом году, он остро реагировал на любые ароматы. Даже духи «Rose & Cuir», которые подарил Наташе на день рождения, затрудняли дыхание.

Вчера Наташа устроила скандал и, как обычно в таких случаях, грохнула тарелку об пол. Лена, появившаяся было на пороге кухни, отпрянула. Её всегда спокойные, со спрятавшейся грустью глаза так и стоят перед Анатолием. Пожалуй, дочка — единственное, что трудно будет потерять. Да, ещё Альму, забивавшуюся в самый далёкий угол, когда Наташа начинала вопить. Что греха таить, иногда и он взвизгившимся голосом ответом на Наташин визг парировал: «Я всё для вас делаю!»

Он старался. Обещал Георгию Николаевичу и бился все эти годы. Но что он мог?

Когда-то его поступление в институт казалось чудом. Из их деревни на Москву решались немногие, а если кто-то и сдавал экзамены в столичный вуз, срезался или не проходил по конкурсу. А он рискнул. И поступил и закончил. Полюбил Наташу. Горделивая, чуть надменная. Головы не повернёт, лишний раз не взглянет. Ему казалось, она никогда не снизойдёт. Но и здесь повезло. Улыбнулась так, что зашлое сердце. Георгий Николаевич и Надежда Николаевна, родители Наташи, конечно, не такого жениха хотели бы для дочери. Но, по рассказам Наташи, знали, что Анатолий — один из лучших студентов на курсе, сколько раз он выручал её, когда она отчаивалась сдать экзамен или проект. Объяснял, решал, чертил. Сначала ей. Себе — ночью. Это смягчало Георгия Николаевича.

Надежда Николаевна увлечению дочери сочувствовала. Высокий рост Анатолия, симпатичное лицо, прямой взгляд, откиннутые назад русые волосы напоминали ей юношу, который ухаживал когда-то за ней, и её сердце таяло.

После окончания института — свадьба. Георгий Николаевич постарался. В ресторане, но без шика, без родственников со стороны жениха, поскольку их у него не было. Старуха-тётка, уцелевшая после чернобыльского дождя, отказалась наотрез. В глубине души Анатолий этому обрадовался: не сочеталась как-то она ни со столицей, ни с рестораном, ни с новыми родственниками. Он даже улыбнулся, представив её шерстяной платок, туго завязанный под подбородком, коричневое драп пальто, из-под которого могла бы выглядывать чёрная юбка, извлечённая из сундучка, где хранилось самое ценное, на выход. И ещё клюка, отполированная жизнью...

Георгий Николаевич, не последний человек в мире советской торговли, о жилплощади для родственников позаботился заранее. Квартира для себя, своей семьи, тёщи, дочери. Все рядом, под боком. И когда Наташа вышла замуж, вопрос, испортивший москвичей, никого не обеспокоил.

Тревожило другое: займёт ли Анатолий достойное место под солнцем в сложное постсоветское время. Его характер, ровный, спокойный, независимый, такой от работы не побежит, но и мельтешить не станет, волновал Георгия Николаевича. И не зря! Сначала, сохранив статус, Анатолий не вылетел по сокращению, но после ликвидации НИИ остался не у дел. Два месяца сидел на шее Наташи. Георгий Николаевич кипел: «Как это в столице не найти работу!»

И придумал. Летом, забрав на дачу дочку, внучку и их беспородную собаку Альму, которую Анатолий подобрал месячным щенком у гаражей, он повелел зятю сделать ремонт в квартире. Закупил материалы и дал срок: к 1 сентября. Для большей уверенности в исполнении его задания Анатолия запер и отобрал ключ. Приходил раз в неделю, отпирал дверь, заходил, ставил у порога пакеты с продуктами, выходил, поворачивал ключ в замке. Вид у него был требовательный и беспрекословный.

К 1 сентября квартира сияла белизной. А 5 сентября Анатолий вышел на линию. Работал полную смену. Иногда заезжал домой на обед, машину, ярко-рыжий «Яндекс»,

ставил у подъезда. Увидев как-то зятя, выходящего из машины, Георгий Николаевич посмурнел, Надежда Николаевна покраснела и опустила глаза.

Наташа гневалась и губку закусывала. Денег не хватало. Анатолий превратности судьбы переносил не всегда стойко, но по мере своих возможностей. Иногда кручинился, но голову не вешал. Брал Альму, выходил с ней на улицу и кружил, кружил. Иногда, если Леночка была дома, а не у родителей Наташи, Наташа отпускала её.

— Пойди погуляй с папой. А то такая бледная.

И они гуляли. Рядом. Вместе. Почти всегда молча. Доходили по скверу до храма преподобного Сергия Радонежского, там Леночка садилась на качели. Анатолий раскачивал её, и она вспархивала между землёй и небом, замирая от восторга и счастья. Анатолий вглядывался в тёмный силуэт дочери на фоне светящегося храма и старался удержать в памяти каждый штрих, каждое движение. Особенно теперь, когда он получил повестку...

«Запомнит ли она меня, будет ли ждать Наташа?» — думал он, сидя на ступеньке, не замечая табачного дыма, поднимающегося снизу.

Он не услышал, как открылась дверь, не заметил, как Наташа, запахивая на шее растянувшийся ворот домашнего свитера, села рядом. Когда же она прижалась к нему, взглянул на её заплаканное лицо, на тень от пряди, разделившую её лицо, прижал к себе так, будто хотел слиться с ней, удержать навсегда.

— Ты там, в этой Украине, будь поосторожнее, пожалуйста... — прошептала она.

ВЫБОР

Конечно, было бы хорошо сесть, как в прежние времена на кухоньке, приглушить свет, на стол поставить бутылочку красного и неспешно поговорить. Но как это сделать в присутствии Вадима? В последнее время он почти всё время дома. Сидит за компом и переводит, переводит, переводит. Его мнение мне хорошо известно, но это такой случай, когда решение должна принять я и только я. Для меня было важно посоветоваться с девчонками. Ведь, если что, я могла рассчитывать только на них.

Ну, если кухонька отпадает, то хотя бы в каком-нибудь уютном месте. Чтоб не на юру. Выбрала «Шоколадницу». Ту, что около нашего метро. Села у окна и, глядя на промозглое снежное пространство за окном, стала ждать. Тёмно-серая мгла и только у торгового центра слабый проблеск неба. У автобусной остановки, как всегда, толпа. Заказала пирожные, кофе. Первой прибежала Вика. Как же она хороша! Ей так к лицу её новая светло-палевая дублёнка. Распушенные светлые волосы! Румянец!

— Привет!

Она, как обычно, чмокнула меня в щёку. Быстро разделась, села рядом.

— А вон и Маришка!

И эта очень мила! Тоже светленькая. Какие они у меня хорошенькие! В меня! Помню, отец говорил: «Жаль, что ты не на врача учишься. Такая войдёт в палату, все мужики сразу здоровыми станут».

— У меня сегодня у Петушка родительское собрание, я долго не могу, — объявила Вика.

— Я тоже, — добавила Маришка, — меня Ромик к себе пригласил. Хочет с родителями познакомиться.

— Я вас ненадолго задержу, — и рассказала, что вчера была у врача и что та определила у меня беременность, что дала мне направление в больницу и велела не откладывать. — Вот я и решила с вами посоветоваться. Вы молодые, современные. Да и помощь может ваша понадобится. Мало ли что.

— Мам, ты что? — в один голос огорошили меня дочери. — У тебя сейчас самое время собой заняться, саморазвитием, мир посмотреть. А то состаришься и будешь, как наша бабушка, дремучей.

— И понимаешь, — с испугом глядя на меня, сказала Вика, — в таком возрасте уже не рожают, будет какой-нибудь даун.

А Маришка жалобно протянула:

— А где же мы с Ромиком будем жить? Я думала, что у нас, — и после паузы робко, опустив голову: — Мне кажется это стыдно в таком возрасте.

— Да, вы правы, конечно, — улыбаясь, сказала я. — Ну, что ж, разбежались...

И они понеслись. Молодые, красивые... Поплелась и я к своему шалашу и всё вспоминала то разговор с врачом, то моих выросших дочек.

«Даже не думайте, после сорока вообще не рекомендуется. А вам пятьдесят.

А ваш муж? Он же старше вас на десять лет! Вот направление. Печать поставьте в регистратуре».

Утром, когда я стала собираться на процедуру, Вадим подошёл ко мне почти вплотную, сузил глаза и зыркнул на меня так, как если бы у него в руках был нож или пистолет. Отделяя одно слово от другого, процедил:

– Пойдёшь туда, тогда всё. Значит, не мой и между нами всё кончено! Всё! Ты меня знаешь. Повторять не буду!

Развернулся и, хлопнув дверью так, что посыпалась штукатурка, вышел.

С радостью и облегчением я вздохнула, повертелась у зеркала, надела любимую норку, подарок Вадима к Новому году, и поехала на работу.

С моими сотрудницами у меня отношения доверительные, они не ожидали в этот день увидеть меня на работе. Я звонила моему заму сразу после посещения врача и предупреждала, что задержусь или не приду. Когда же я вошла в отдел, все встали, заулыбались.

– Правильно, – говорят, – решила, молодец.

– Это не я, это Вадим. Теперь уж – что будет.

Беременность я отходила хорошо. Только один раз в автобусе закружилась голова и пришлось попросить молодого человека, чтобы уступил место. Он оглядел меня с ног до головы, губы в гримасе скорчил:

– Ну, садись, бабка, – но встал.

И с родами обошлось всё благополучно. Правда, дали глотнуть кислорода, это, сказали, для мальчика вашего, надо ему помочь. Мы про то, что будет мальчик, знали ещё раньше, УЗИ. Не то что когда-то, с девочками. Когда ждала Вику, обещали мальчика: головка крупная. Ну, а с Маришей, как обещали, так и вышло. Только Вадим всё надеялся на мальчика.

Теперь вообще всё иначе. И палата отдельная, и кровать рядом с моей. Если вспомнить, как я рожала девочек... Вот это был ужас! С мальчиком, Илюшей (Вадим захотел его назвать в честь отца, героя Великой Отечественной войны) всё иначе. Даже боли почти не ощутила, очевидно, укол сделали.

– Смотрите, мамочка, мальчик-то у вас какой справный! – сказала сестричка и положила рядом.

Я смотрела на него и глаз не могла отвести. Бывают же такие дети! И вдруг меня осенило: «А ведь его могло не быть!»

Когда нас выписывали, пришли все: и моя мама, старенькая, в новом платочке, по старой крестьянской привычке, старомодная такая, и Вика с Петушком, и Маришка с женихом, и даже старший брат пожаловал на самом первом правительственном «Аурусе». Вадим, как только ему протянули сыночка, приподнял краешек конверта и зашептал:

– Здравствуй, сыночек, вот я тебя и дождался, всю жизнь ждал. Наконец-то.

И вижу, чуть не плачет. Такой к старости чувствительный стал!

Илюша пошёл рано, а к двум годам начал говорить. Здоровеньким рос и самостоятельным, всё «сам» да «сам». В детский садик его отдали в пять лет, до этого я его отводила к маме, а после работы забирала. В детский садик ходил хорошо, не болел, не плакал.

Как-то Вадим зашёл с Илюшей, ему тогда лет шесть исполнилось, ко мне на работу. Как раз в то время, когда к нам в кабинет заглянул директор. Увидел мальчика, протянул ему руку:

– Здравствуй!

А мой-то выпрямился, как на параде, руку ему протягивает и называет свою фамилию...

Два года назад, в феврале, Вадим пошёл в магазин. Вернулся весь зелёный, свалился прямо в коридоре и больше уж не вставал. Сказали – инфаркт.

Вика ещё до смерти отца уехала с мужем и сыном в Англию. Мама давно умерла, Мариша заходит время от времени. У неё две дочки, и она спокойна.

А я, как когда-то свекровь, вяжу носки, отправляю их на фронт нашим деткам и молюсь за моего сыночка. Как-то он там? И всё вспоминаю...